ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ИНЫМИ ПРАВОВЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ

Кузьмин И.А., Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, *grafik-87@mail.ru*

Исследования правовой системы, отвечающие критериям научной новизны, качественно углубляющие познание государственно-правовых закономерностей, а также опосредующие эффективную юридическую практику, требуют тщательного изучения межэлементного взаимодействия различных правовых явлений. Система (структура, статика) права переходит в динамичное состояние посредством активизации центральных категорий правоведения, среди которых особым значением обладает юридическая ответственность. В статье раскрывается содержание феномена «взаимодействие» и его разновидности – «правового взаимодействия», которые рассматриваются через отношения взаимного влияния правовых категорий при непосредственном участии юридической ответственности. Излагается авторский методологический подход к группировке исследований взаимодействия юридической ответственности с иными правовыми явлениями. Соответствующие взаимодействия классифицированы в зависимости от степени и результатов интенсивности, характера структурных изменений и иных оснований. Сформулированы и охарактеризованы этапы и критерии предметного изучения юридической ответственности во взаимодействии с правовыми явлениями, обоснована необходимость создания рабочей модели такого взаимодействия. На примере конкретных правоприменительных дел продемонстрирована связь теоретической модели взаимодействия юридической ответственности и правовых явлений с потребностями и проблемами юридической практики. Сделан вывод о необходимости разработки практико-ориентированных рекомендаций и прогнозов для предупреждения, выявления и разрешения проблем реализации юридической ответственности в общем механизме правовой охраны.

Ключевые слова: правовая система, юридическая ответственность, правовые явления, взаимодействие, модель взаимодействия, методология.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-30-2-18-25

UDC 340.1 ; 316.334.4

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE INTERACTION OF LEGAL LIABILITY WITH OTHER LAW FENOMENS

Kuzmin I.A., Irkutsk Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, *grafik-87@mail.ru*

Studies of the legal system that meet the criteria of scientific novelty, qualitatively deepening the knowledge of state-legal laws, and mediating effective legal practice, requires a careful study of the inter-element interaction of various law phenomena. The system (structure, statics) of law passes into a dynamic state by activating of the central categories of jurisprudence, among which special access has legal liability. The article reveals the content of the phenomenon of "interaction" and its varieties – "legal interaction", which are considered through the relationship of mutual influence of law categories with the direct participation of legal liability. The author's methodological approach to the grouping of studies of the interaction of legal liability with other law phenomena is presented. These interactions are classified according to the degree and results of intensity, the nature of structural changes and other bases. The stages and criteria for the substantive study of legal liability in interaction with law phenomena were formulated and characterized, the necessity of creating a working model of such interaction was substantiated. The connection of the theoretical model of the interaction of legal liability and law phenomena with the needs and problems of legal practice is demonstrated by the example of specific law enforcement cases. The conclusion is about the need to develop practice-oriented recommendations and forecasts for the prevention, detection and resolution of problems of implementation of legal liability in the general mechanism of legal protection.

Key words: law system, legal liability, law phenomenon, interaction, interaction model, methodology.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-30-2-18-25

Познание правовой системы неизменно предваряется изучением явлений и процессов, которые составляют ее содержание и находятся в постоянной динамике, взаимодействии. В свою оче-

редь, концентрация внимания на отдельных правовых явлениях и процессах позволяет увидеть в них самостоятельные системы-конструкции (модели) с особым элементарным составом и многочисленными межэлементными связями. Попытка интегративного осмысления категориального аппарата общей теории права – перспективное направление для развития научной мысли, открывающее новые горизонты познания юридических конструкций в их диалектике и взаимозависимости. Обращаясь к юридической ответственности как к основному охранительному институту и средству правопорядка, мы отмечаем наличие множественных внешних и внутренних взаимосвязей, в которых пребывает ответственность и ее элементы.

Начнем с того, что «взаимодействие» как самостоятельная научная категория подлежит особому осмыслению и изучению, нуждается в конкретизации. Обращение к толковым словарям позволило обнаружить следующие определения термина «взаимодействие»:

- «взаимная связь явлений»;
- «взаимная обусловленность»;
- «взаимная связь предметов, явлений, их обусловленность друг с другом, согласованность»;
- «процессы, действия, состояния, в которых все участники процесса оказывают влияние друг на друга и совместно влияют на что-то иное» [1, с. 58; 2, 78].

М. В. Старцев полагает, что исследование вопросов взаимодействия в философии, несмотря на отрывочность и некоторый механицизм философской науки, раскрывает его непосредственное участие в возникновении и развитии (изменении) объектов. Соответственно, взаимодействие в метанаучном понимании предстает как категория, которая отражает процессы воздействия разнообразных объектов друг на друга, их обусловленность, изменение состояния, взаимопереходы, а также порождение одними объектами других. Уровень развития материи определяет свой тип взаимодействия (с усложнением форм движения усложняется тип взаимодействия). Социальная форма движения признается наивысшей и для нее характерен высший тип взаимодействия. Называются общие признаки взаимодействия как явления: «целостность, одновременность существования объектов, двусторонность связей, взаимопереход объектов, взаимообусловленность изменений сторон, внутренняя самоактивность субъектов» [3, с. 49].

Р. О. Курбанов рассматривает взаимодействие в контексте диалектики через многообразные связи в объективном мире, которые лежат в основе любого движения и изменения, выступают в качестве наиболее общих закономерностей. Взаимодействие понимается здесь как одна из наиболее важных реальных связей, которая является причиной изменения и развития материи, по сути, рассматривается как условие существования последней. Вариативность реальности зависит от взаимодействия объектов друг с другом, познание взаимодействия – итоговый научно-исследовательский ход, поскольку

ку «позади него» познавать больше нечего. При этом познание строения материи автор считает возможным лишь через изучение форм взаимодействия объектов, с полным раскрытием которых связывается завершение познавательного процесса относительно данных объектов. Общая закономерность природы заключается в том, что характер внешних взаимодействий объектов исходит из их внутренней архитектуры. Зная структуру объекта, удастся и объяснение конкретных его закономерностей и взаимодействий (механизмов) [4, с. 36, 44].

М. Г. Тирских и О. Т. Аббасов, обращаясь к аппроксимации права в контексте взаимодействия правовых систем, указывают на универсализацию сосуществования правовых систем в условиях межсистемного взаимодействия преимущественно в координационной форме. Авторы полагают, что проблематика взаимодействия правовых систем должна рассматриваться в качестве условия выработки их правильного понимания, а их сближение – в качестве магистрального пути развития права в глобальном масштабе. Вместе с тем, допускается, что взаимодействие правовых систем в исключительных случаях не приводит к позитивной трансформации (изменению), а дисгармонизирует либо оставляет их без изменений [5].

И. Е. Сенников, рассматривая особенности взаимодействия между правовым регулированием и реализацией права, формулирует идею о том, что в любом системно-структурном плане социальное управление составляют две взаимодействующие подсистемы (управляющая – субъект и управляемая – объект). Социальное управление нельзя сводить к функционированию лишь одной из подсистем, поскольку в реальной жизни объект и субъект – две грани единого и сложного по содержанию феномена. Отсюда правовое регулирование рассматривается как совокупность деятельности субъектов правотворчества и правоприменения и результатов осуществляемого ими воздействия – деятельности объекта, реализующего правовые нормы [6, с. 48].

Обозначенные рассуждения убеждают нас в том, что взаимодействие необходимо воспринимать как сложную связь между различными структурными элементами объектов. В процессе развертывания этой связи происходит возникновение новых, изменение или прекращение существования прежних объектов, раскрываются закономерности их развития и функционирования. Не лишним будет упомянуть, что связь между двумя объектами может повлечь последствия и в отношении объектов, прямо не вовлеченных в данное взаимодействие.

Юридическая ответственность – это объединяющий феномен для множества правовых явлений, относящихся к регулятивной, организационной и идеологической подсистеме. При таком подходе мы обнаруживаем присутствие ответственности на всех уровнях правовой системы, системы права и системы правового регулирования.

Подобного рода «всеохватность» позволяет говорить о наличии у юридической ответственности особого сплавляющего начала по отношению к целому комплексу правовых явлений.

В проблеме взаимодействия юридической ответственности с иными правовыми явлениями в рамках правовой системы важно помнить о его юридической природе. Правовое взаимодействие – особая разновидность социального взаимодействия, подразумевающая помимо общих признаков также и частные.

В. Ю. Панченко под правовым взаимодействием предлагает понимать «особый вид социальной коммуникации... представляющий собой взаимный обмен субъектов права юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, имеющих специфические среду функционирования, объект и структуру и онтологически проявляющийся в двух основных типах – юридическом содействии и юридическом противодействии, которые в результате институционализации приобретают характер универсальных, равнозначимых и взаимодополняющих средств обеспечения реализации права [7, с. 14, 41 и др.]. По поводу взаимодействия с участием юридической ответственности он отмечает следующее:

- привлечение к юридической ответственности – это такой тип правового взаимодействия, при котором оно является полезным лишь для одного участника, а для другого оно несет неблагоприятные последствия;

- применение мер юридической ответственности относится к принудительным правовым воздействиям, позволяющим одному участнику осуществить в отношении другого участника меры правового принуждения помимо воли субъекта;

- дефекты субъектного состава правовых отношений, которые не позволяют четко идентифицировать надлежащего управомоченного или обязанного субъекта, определить потенциального субъекта юридической ответственности за противоправное поведение, относятся к числу правовых препятствий на стадии возникновения правоотношений;

- юридическая ответственность за неоказание или ненадлежащее оказание юридического содействия относится к общественным отношениям в сфере правовой политики по юридическому содействию реализации прав и законных интересов;

- в числе специальных принципов правовой политики в сфере юридического содействия реализации права и законных интересов указывается особая гарантированность юридического содействия при привлечении к юридической ответственности, включающая, среди прочего, требования обеспечения помощи юриста при аресте (задержании, обвинении), включая бесплатную помощь назначенного юриста при отсутствии денежных средств для оплаты юридических услуг и конфиденциальные консультации с юристом;

- нормативно запрограммированная доступность юридической помощи подразумевает

должное реагирование на заявление граждан о ее неоказании (ненадлежащем оказании), а также оперативность применения мер ответственности;

- большинство мер профессиональной (корпоративной), дисциплинарной и иных видов юридической ответственности имеют ярко выраженный карательный характер по отношению к субъекту оказания юридической помощи, не обеспечивая восстановление прав получателя [7].

В юридической литературе можно встретить значительное число исследований, посвященных установлению параметров взаимодействия юридической ответственности с другими правовыми явлениями. При этом в обозначенных отношениях ответственность способна выступать как в виде системы всех ее элементов, так и в виде отдельных элементов (их групп). Значительной спецификой обладают и вопросы внутренней межкомпонентной динамики ответственности. Следовательно, по объему охвата конструкции юридической ответственности данные исследования можно условно разделить на три группы:

- связанные с сопоставлением системной конструкции (модели) юридической ответственности с иными правовыми явлениями (их элементами) [8];

- связанные с сопоставлением конструкции (модели) юридической ответственности с иными правовыми явлениями (их элементами) [9];

- связанные с сопоставлением отдельных элементов конструкции (модели) юридической ответственности с иными правовыми явлениями (их элементами) [10];

- связанные с сопоставлением отдельных правовых явлений внутри конструкции (модели) юридической ответственности [11].

Первые три вида исследований относятся к познанию внешних взаимодействий юридической ответственности, а четвертый вид – к изучению внутренних взаимодействий, происходящих между правовыми явлениями в структуре конструкции юридической ответственности. Несколько особняком, в силу своей смешанной природы, стоят междисциплинарные исследования, посвященные раскрытию внеправовых взаимодействий юридической ответственности с иными социальными явлениями [12].

В зависимости от степени и результатов интенсивности мы предлагаем разграничивать три формы правовых взаимодействий с участием юридической ответственности.

1. Взаимодействия низкой степени интенсивности (в процессе таких взаимодействий ни юридическая ответственность, ни иные правовые явления не претерпевают явных существенных изменений, для выявления эффекта нужны длительные наблюдения), например текущие, прогнозируемые изменения в массовой правовой культуре неизменно влияют на восприятие юридической ответственности и взаимодействующих с ней явлений, но серьезных перемен ни в правотворчестве, ни в правореализации, как правило, не влекут.

2. Взаимодействия средней степени интенсивности (подобного рода взаимодействия производят явный эффект, при котором участвующие во взаимодействиях юридическая ответственность и/или иные правовые явления претерпевают фиксируемые изменения за непродолжительный промежуток времени), примером которых может послужить частный случай взаимодействия, связанный с возложением административно-правовой ответственности на конкретных лиц, отмеченный в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 мая 2015 г. № 2-П, вследствие чего общая процедура участия органов прокуратуры в процессе возложения юридической ответственности была законодательно конкретизирована в Федеральном законе от 7 марта 2017 г. № 27-ФЗ.

3. Взаимодействия высокой степени интенсивности (результатом данного вида взаимодействий выступают быстрые и принципиальные изменения взаимодействующих юридической ответственности и/или иных правовых явлений, вследствие чего нередко могут наблюдаться существенные деформации и изменения в их содержании и структуре), например, участвовавшие публичные заявления о необходимости отделения от России различных территорий, как «всплеск» негативных форм деформации правосознания определенных социальных общностей повлек возникновение в законодательстве России нового основания уголовно-правовой ответственности за «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ в ред. от 3 октября 2018 г.).

Исходя из характера структурных изменений, наступающих в правовой материи от совместного функционирования юридической ответственности и иных правовых явлений, следует различать:

1) взаимодействия, влекущие внутренние структурные изменения в юридической ответственности и/или иных правовых явлениях (внутренние структурные изменения явно не выражены и проявляются в таком переустройстве правовых явлений, результаты которого не влияют на внешнее строение – форму, например, связаны с появлением новых функций или принципов, способов обеспечения ответственности в праве);

2) взаимодействия, влекущие внешние структурные изменения (по форме) в юридической ответственности и/или иных правовых явлениях (внешние структурные изменения носят ярко выраженный характер и проявляются в таком переустройстве правовых явлений, результаты которого непосредственно влияют на внешнее строение – форму, например, получают нормативно-правовое закрепление);

3) взаимодействия, влекущие возникновение или прекращение существования правовых явлений, согласно причинно-следственным закономерностям (результат подобного рода взаимодей-

ствий обнаруживается в возникновении новых, ранее не существовавших, правовых явлений).

Возможны и другие классификации взаимодействий с участием юридической ответственности. Так, в своем особом мнении по делу «Роч против Соединенного Королевства», рассматриваемом в Европейском Суде по правам человека (постановление от 19 октября 2005 г., жалоба № 32555/96) судья Л. Лукайдез (которого поддержали еще 7 судей) отметил, что отсутствие нормативно признанного в Великобритании взаимодействия между ответственностью Короля и нарушенным гражданским правом не соответствует международно-правовым нормам, утвердившим наличие данного взаимодействия на общегосударственном уровне. Судья полагает, что традиционная юридическая фикция о юридической безответственности (по принципу «Король не способен совершить правонарушение») нарушает положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г., с изм. от 13 мая 2004 г.) не является достаточно убедительной, чтобы препятствовать гражданину в предъявлении иска против государства. Соответственно, если на уровне национальной правовой системы предприняты все возможные действия для решения юридического вопроса, то это, напротив, освобождает государство от ответственности также и на уровне международно-правовых взаимодействий. Подобный случай имел место в одном из дел, рассмотренных ЕСПЧ еще около 40 лет назад (постановление от 09 октября 1979 г., жалоба № 6289/73). Здесь можно наблюдать утверждение приоритета международно-правового (по сути восполнительного) взаимодействия с участием юридической ответственности над нормативно установленными моделями взаимодействий внутри отдельного государства.

Переходя к аналитической составляющей, считаем необходимым назвать и обосновать этапы, а также критерии изучения взаимодействия юридической ответственности с иными правовыми явлениями.

Во-первых, определение объектов, пригодных для сопоставления, в соответствии с целью исследования. Главным условием и залогом успеха при характеристике правовых взаимодействий с участием юридической ответственности является научно-обоснованная выборка. Так, соотнесение юридической ответственности и норм права, содержащих наказание, для описания процесса реализации (динамики) ответственности представляется явно недостаточным, поскольку из внимания исследователя выпадают нормативные основы процесса реализации ответственности, вопросы индивидуального правового регулирования и многое другое. Ограниченность любого комплексного исследования юридической ответственности исключительно внутригосударственной (отечественной) эмпирической базой – безусловная ошибка, вследствие чего «за бортом» остаются иные возможные проявления международно-правовой от-

ветственности. Смысл данного критерия заключается в важности осознания цели исследования, которая и должна предопределять грамотный выбор той или иной формы юридической ответственности (ее элементов, свойств), с одной стороны, и предназначенных для построения взаимодействия с ней иных правовых явлений (их элементов, свойств) – с другой. О. Г. Федоров, изучая особенности выбора объектов управления и исследования в социально-образовательных системах, отмечает, что настоящий исследователь должен уметь делать правильный выбор. Последствия неправильного выбора объекта автор связывает с невозможностью достижения основной цели исследования, так как будут достигнуты лишь второстепенные задачи, а сама система (исследование) может быть нивелирована. Отсюда делается вывод, что выбор объекта должен осуществляться, исходя из основной цели исследования [13].

Во-вторых, правильное определение точек соприкосновения – сопоставляемых элементов юридической ответственности и иных правовых явлений. Зачастую сопоставляемыми объектами выступают отдельные элементы юридической ответственности (виды, функции, принципы, основания и т. д.). Для «настройки» взаимодействия требуется понимание возможности соотнесения названных элементов юридической ответственности с другими правовыми явлениями и их элементами. Так, говоря о функциях юридической ответственности как объекте взаимодействия, уместно связывать их с однопорядковыми правовыми явлениями по нисходящей (функции уголовного наказания) или восходящей (функции права) линии, но не с юридическими, например, фактами. О. Г. Федоров обоснованно отметил, что объектом исследования может стать любая подсистема или отношения в ней, кроме того, объектом признается часть системы, состояние, которое мы стремимся изменять (совершенствовать, повышать эффективность и результативность и др.) [13]. Сказанное не означает, что соотнесению подлежат исключительно однопорядковые феномены. В частности, сравнение целей юридической ответственности и основных задач правового регулирования вполне возможно, равно как и возможно сопоставление отдельных разновидностей юридической ответственности с мерами государственного принуждения.

В-третьих, правильное определение выявляемых условий взаимодействия юридической ответственности и иных правовых явлений. Обозначенный критерий является принципиально важным, поскольку он связан с созданием благоприятной или учетом неблагоприятной среды для изучения, в которой взаимодействующие правовые категории могут в максимальной степени раскрыться, стать пригодными для изучения. Оставляя за рамками нашего внимания материальные условия исследования (удобный стол, доступ к литературе, выход в интернет, наличие свободного времени и т. д.), обратим внимание на доктринальные условия. В их

числе: 1) определение периода времени взаимодействия (исторического этапа, временного промежутка и т. д., что может быть актуально, например, при изучении тенденций развития системы административных наказаний в России); 2) сфера взаимодействия (глобальный масштаб, границы государства, административно-территориальная единица и т. д., в пределах которых происходит взаимодействие, например, публично-правовой и частноправовой ответственности); 3) факторы внешнего и внутреннего порядка, влияющие и/или способные повлиять на взаимодействие (например, при оценке взаимодействия уголовной ответственности и судимости следует учитывать факторы возможного освобождения от наказания и досрочного снятия судимости). В. В. Логинова особо указывает на то, что взаимодействие «как материальный процесс сопровождается передачей материи, движения и информации. Оно относительно, осуществляется с определенной скоростью и в определенном пространстве – времени» [14, с. 5].

В-четвертых, правильное определение выявляемых свойств взаимодействия юридической ответственности и иных правовых явлений. Названный критерий показывает участие и умение исследователя адекватно определять и учитывать свойства взаимодействия, которые он изучает. Так, желая оценить уровень обеспечения гарантий прав и законных интересов обвиняемого в ходе процессуального расследования по делу о юридической ответственности, важно понимать длительность данной процедуры и ее последовательность. Причем, на каждом этапе взаимодействие между правовыми положениями и субъектами права может принимать различные формы, а устанавливаемый уровень обеспечения гарантий – варьироваться. Следует учитывать также интенсивность (скорость) происходящего взаимодействия. Кроме того, важно понимать, что взаимодействие – многоликий феномен, который способен к проявлению не только в связях кооперации, но и в конкуренции и даже в конфликте между взаимодействующими категориями. Вместе с тем, познавательную и практическую ценность взаимодействия сложно переоценить, оно позволяет преодолевать квазинеразрешимые противоречия и даже ситуативную тупиковость как неизбежные формы проявления негативной диалектики. Дальнейшее углубление в проблему взаимодействия юридической ответственности и правовой материи неизбежно приведет к постановке вопроса о взаимопроникновении юридической ответственности и иных правовых явлений [15, с. 264].

В-пятых, определение адекватной методологии (подходов, принципов и приемов) адаптированной для выявления и характеристики взаимодействия юридической ответственности с иными правовыми явлениями. Использование методологии исследования, пригодной для описания процесса правового взаимодействия, – непростая задача, от решения которой напрямую зависит качество получаемых по итогам исследования результатов. В литературе обоснованно отмечается, что методо-

логию не следует сводить лишь к совокупности методов и стратегий получения новых знаний за счет манипулирования информацией, она также включает в себя мировоззренческий элемент, предполагающий широту взгляда исследователя [16, с. 40]. По сути, речь идет о методологии как о деятельно-включенном отношении ученого к своей научной работе. С. И. Курганов выдвигает тезис о том, что в вопросах методологии уголовной ответственности необходимо «использовать такой методологический инструмент, как выявление и анализ оснований теории» [17, 67]. Р. А. Сорочкин особо обращает внимание на методологические принципы, которые зафиксированы «в источниках международного права как подлежащие применению при формулировании положений о юридических лицах как субъектах уголовной ответственности за коррупцию» [18, с. 164]. В. Д. Плесовских убежден в том, что восприятие административной ответственности как инструмента внутренней и внешней политики, рычага создания и запуска механизма инновационного развития государства способно подвигнуть к поиску новых методологических подходов к научному ее осмыслению [19, 54]. В таком контексте изучая, к примеру, взаимодействие системы юридической ответственности в Российской Федерации и в Китайской Народной Республике, необходимо для обеспечения объективности прибегать к специальной сравнительно-правовой методологии.

В-шестых, правильное выявление и учет особенностей опосредованного влияния на правовые явления, подвергающиеся воздействию вследствие взаимодействий между юридической ответственностью и иными правовыми явлениями. Наличие системных многосторонних связей между всеми правовыми явлениями правовой системы неизменно приводит к ситуации, когда вступающие во взаимодействие правовые явления вовлекают в свои отношения третьи элементы и/или сами попадают под влияние последних. По мнению А. А. Федорченко, «правовая система как интегративный комплекс общественных институтов (субъектов, объектов, правовых связей)... основан на принципах, ценностях и нормах правовой жизни, направленных на достижение общих целей» [20, с. 20, 46]. Например, рассмотрение процесса взаимодействия дисциплинарной ответственности и порождающего ее дисциплинарного проступка невозможно без учета специализированных норм и отношений, связанных с государственной и муниципальной службой.

В-седьмых, построение рабочей иерархической модели взаимодействия между юридической ответственностью и иными правовыми явлениями. Исследование правового взаимодействия с участием юридической ответственности будет малоинформативным без предварительного построения и дальнейшего совершенствования рабочей иерархической модели взаимодействия между юридической ответственностью и иными правовыми явлениями. Данная модель призвана уточнить границы

исследования и учесть многообразные правовые связи с правовыми явлениями, которые влияют на взаимодействие с участием юридической ответственности и способны изменяться сами в результате обратной связи. По этому поводу отмечается, что иерархическая модель связи сравниваемых правовых явлений предполагает формирование разнообразных показателей (целостность, практичность, гибкость, адаптивность, мобильность и т. д.), и специальных условий, при которых эти показатели могут достигаться [21, с. 27]. К примеру, изучение взаимодействия между договорной гражданско-правовой ответственностью и общими принципами гражданского права, должно основываться на сформированном системном понимании ученым показателей, способных охарактеризовать соответствующее взаимодействие с учетом целей исследования в условиях развертывания гражданско-правовой материи.

Наличие, отсутствие и содержание различного рода правовых взаимодействий с участием юридической ответственности также обладает собственноразумной практической значимостью. Так, в постановлении от 14 ноября 2013 г. по делу «Блохин против России» (жалоба № 47152/06) ЕСПЧ отметил, что специальный правовой режим, применяемый к лицам, которые не достигли возраста уголовной ответственности, ограничивает права этих лиц. В частности, обращено внимание на то, что Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 27 июня 2018 г.) предусматривает оказание юридической помощи только после поступления дела в суд и не гарантирует права на допрос свидетелей, отказ от дачи показаний и презумпцию невиновности, что нарушает принцип справедливости судебного разбирательства. В итоге ЕСПЧ фактически пришел к выводам о том, что нормативная модель взаимодействия, связанная с возложением уголовной и административно-правовой ответственности на несовершеннолетних, нуждается в дополнении и корректировке, исходя из выявленного несоответствия внутригосударственных норм положениям ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Обобщим результаты проведенного исследования.

Во-первых, познание сущности юридической ответственности подразумевает обязательное обращение к вопросам ее системной (конструктивной, модельной) организации и межэлементным связям, которые динамично встраиваются в общую правовую динамику и множественные правовые взаимодействия. Исходя из множественности воплощений юридической ответственности, последняя, во взаимодействии с разными правовыми явлениями, может проявлять себя как системная конструкция, объединяющая разнородные элементы, как единство однородных элементов, как отдельные элементы (их группы). Объектом исследования также может стать элементное взаимодействие

внутри конструкции юридической ответственности.

Во-вторых, с акцентом на практические правотворческие и правоприменительные результаты развертывания правовых связей, в которые вступает юридическая ответственность, соответствующие взаимодействия разграничиваются по уровню интенсивности на три группы: низкой (неявный эффект), средней (явный эффект) и высокой степени (существенный эффект). Характер структурных изменений правовой материи, наступающих вследствие взаимного влияния юридической ответственности и иных правовых явлений, служит в качестве критерия самостоятельной классификации взаимодействий, при которых происходят внутренние структурные, внешние структурные и «надструктурные» процессы.

В-третьих, исследования взаимодействий юридической ответственности с иными правовыми явлениями предполагают прохождение ряда этапов (опорных точек):

- определение адекватных объектов для сопоставления;
- установление сопоставляемых «точек соприкосновения» (элементов);

- выявление и характеристика условий, в которых происходит взаимодействие;
- описание затрагиваемых специфических свойств самих взаимодействий;
- привлечение и приспособление методологии для конкретного исследования;
- учет фактора опосредованного влияния взаимодействий юридической ответственности с определенными правовыми явлениями на иные (не охваченные исследованием) явления и процессы;
- выстраивание теоретико-методологического фундамента исследования – рабочей иерархической модели взаимодействия между юридической ответственностью и правовыми явлениями.

В-четвертых, закономерным итогом комплексного изучения взаимодействий юридической ответственности с правовыми явлениями должна стать выработка практико-ориентированных рекомендаций (прогнозов), которые позволят предупредить, выявить и разрешить проблемы реализации юридической ответственности в общем механизме правовой охраны.

Литература

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2006.
3. Старцев М. В. Категория «взаимодействие» в философской, социологической, психологической и педагогической литературе // Гаудеамус. 2007. № 1. С. 49–61.
4. Курбанов Р. О. Категория взаимодействия в философии и научном познании: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Баку, 1989.
5. Тирских М. Г., Аббасов О. Т. Аппроксимация права и взаимодействие правовых систем // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 109–111.
6. Сенников И. Е. Правовое регулирование и реализация права: проблемы взаимодействия // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 46–50.
7. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
8. Маркунин Р. С. Система юридической ответственности органов публичной власти: постановка проблемы // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 14–16.
9. Горшенина Т. И., Копытова В. Л. Законность и юридическая ответственность как основополагающие категории правоправедения // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2014. Т. 2. С. 147–150.
10. Иванов А. А. Индивидуализация юридической ответственности в системе правовых принципов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2008. № 5. С. 38–42.
11. Авдеев М. П. Элементы системы юридической ответственности и особенности их взаимодействия // Современное право. 2008. № 5. С. 44–49.
12. Иванников А. И. Моральная и юридическая ответственность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 3. С. 49–53.
13. Федоров О. Г. Особенности выбора объекта управления и объекта исследования в социально-образовательных системах // Вестн. РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2009. № 4. С. 59–60.
14. Логинова В. В. Взаимодействие как универсальная форма развития объективного мира // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Философские науки. 2007. № 2. С. 5–13.
15. Рябова М. Э. Взаимодействие и взаимопроникновение как формы межсубъектных отношений и действительности // Мир психологии. 2009. № 2. С. 264–265.
16. Сравнительное правоправедение : учеб. пособие / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск, 2016.
17. Курганов С. И. Уголовная ответственность: вопросы методологии // Российское правосудие. 2011. № 9. С. 64–72.
18. Сорочкин Р. А. О международно-правовой методологии ответственности юридического лица за коррупционные преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 164–168.

19. Плесовских В. Д. Некоторые аспекты методологии административной ответственности // Полицейское право. 2008. № 1. С. 54–55.
20. Федорченко А. А. Принципы правовой системы России (теоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
21. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Проблема выбора объекта сравнительно-правового исследования // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 27–28.

References

1. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M., 2013. (In Russian).
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / RAN. In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M., 2006. (In Russian).
3. Startsev M. V. Kategoriya «vzaimodeistvie» v filosofskoi, sotsiologicheskoi, psikhologicheskoi i pedagogicheskoi literature // Gaudeamus. 2007. № 1. S. 49–61. (In Russian).
4. Kurbanov R. O. Kategoriya vzaimodeistviya v filosofii i nauchnom poznanii: avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. Baku, 1989. (In Russian).
5. Tirsikh M. G., Abbasov O. T. Approksimatsiya prava i vzaimodeistvie pravovykh sistem // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2016. № 4. S. 109–111. (In Russian).
6. Sennikov I. E. Pravovoe regulirovanie i realizatsiya prava: problemy vzaimodeistviya // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2011. № 5. S. 46–50. (In Russian).
7. Panchenko V. Yu. Pravovoe vzaimodeistvie kak vid sotsial'noi kommunikatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2016. (In Russian).
8. Markunin R. S. Sistema yuridicheskoi otvetstvennosti organov publichnoi vlasti: postanovka problemy // Yuridicheskaya nauka. 2015. № 4. S. 14–16. (In Russian).
9. Gorshenina T. I., Kopytova V. L. Zakonnost' i yuridicheskaya otvetstvennost' kak osnovopolagayushchie kategorii pravovedeniya // Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke. 2014. T. 2. S. 147–150. (In Russian).
10. Ivanov A. A. Individualizatsiya yuridicheskoi otvetstvennosti v sisteme pravovykh printsiptov // Vestn. Mosk. un-ta MVD Rossii. 2008. № 5. S. 38–42. (In Russian).
11. Avdeenkova M. P. Elementy sistemy yuridicheskoi otvetstvennosti i osobennosti ikh vzaimodeistviya // Sovremennoe pravo. 2008. № 5. S. 44–49. (In Russian).
12. Ivannikov A. I. Moral'naya i yuridicheskaya otvetstvennost' // Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik. 2017. № 3. S. 49–53. (In Russian).
13. Fedorov O. G. Osobennosti vybora ob"ekta upravleniya i ob"ekta issledovaniya v sotsial'no-obrazovatel'nykh sistemakh // Vestn. RUDN. Ser.: Psikhologiya i pedagogika. 2009. № 4. S. 59–60. (In Russian).
14. Loginova V. V. Vzaimodeistvie kak universal'naya forma razvitiya ob"ektivnogo mira // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Seriya: Filosofskie nauki. 2007. № 2. S. 5–13. (In Russian).
15. Ryabova M. E. Vzaimodeistvie i vzaimoproniknovenie kak formy mezhsob"ektnykh otnoshenii i deistvennosti // Mir psikhologii. 2009. № 2. S. 264–265. (In Russian).
16. Sravnitel'noe pravovedenie : ucheb. posobie / pod red. A. V. Yurkovskogo. Irkutsk, 2016. (In Russian).
17. Kurganov S. I. Ugolovnaya otvetstvennost': voprosy metodologii // Rossiiskoe pravosudie. 2011. № 9. S. 64–72. (In Russian).
18. Sorochkin R. A. O mezhdunarodno-pravovoi metodologii otvetstvennosti yuridicheskogo litsa za korruptsionnye prestupleniya // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2016. № 4. S. 164–168. (In Russian).
19. Plesovskikh V. D. Nekotorye aspekty metodologii administrativnoi otvetstvennosti // Politseiskoe pravo. 2008. № 1. S. 54–55. (In Russian).
20. Fedorchenko A. A. Printsipy pravovoi sistemy Rossii (teoreticheskii aspekt) : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. (In Russian).
21. Yurkovskii A. V., Kuz'min I. A. Problema vybora ob"ekta sravnitel'no-pravovogo issledovaniya // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2016. № 3. S. 27–28. (In Russian).

Поступила в редакцию 29 апреля 2019 г.
Received 29 April, 2019